

УДК 93/99
DOI 10.52452/19931778_2023_6_24

«ДРУЖИНА» ЕРМАКА И ТАТАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЙ)

© 2023 г.

Я.Г. Солодкин

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск

hist2@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.04.2023

Целью статьи является определение степени достоверности летописных известий о взаимоотношениях казачьего «войска» и сибирских татар в пору «Ермакова взятия» «Кучумова царства». Автор сравнивает рассматриваемые сообщения летописных сочинений XVII – первой половины XVIII в. друг с другом, учитывая происхождение этих памятников книжности, сложившихся тогда на востоке России. Анализ данных сообщений позволяет считать, что в годы экспедиции Ермака сибирских татар могли приводить к шерти, однако не московским государям, а казачьей «дружине», и привлекать к выполнению разнообразных поручений без зачисления в ряды станиц. Думается, большинство соответствующих летописных известий достоверно, но отдельные показания двух редакций «исторической повести», вышедшей из окружения Строгановых, и Лихачевского летописца сомнительны.

Ключевые слова: Зауральская эпопея Ермака; казачья «дружина»; ее взаимоотношения с сибирскими татарами; летописные сочинения, посвященные «взятию» Сибири; источники сведений этих сочинений о судьбах местных татар во время похода Ермака; степень достоверности данных сведений; ясак; шерть; Искер; переход «кучумлян» на русскую службу.

О перипетиях знаменитой экспедиции Ермака нам преимущественно известно по летописям, созданным в Азиатской России и Пермском крае на протяжении XVII – первой половины XVIII вв. Только в этих сочинениях, начиная с утраченного протографа Основных редакций Есиповской и Строгановской летописей (далее – ОЕЛ и ОСЛ соответственно)¹, говорится, в частности, о взаимоотношениях казачьей вольницы и татар, накануне подвластных хану Кучуму.

Примечательно, что среди русских, «взятых» «за саблю» Сибирское «царство», кроме самого «ратоборного» атамана, в ОЕЛ названы его сподвижник Иван Кольцо, воеводы князь Семен Болховский и Иван Глухов. (Последний, точнее, был головой, вероятно, стрелецким.) В Погодинском летописце (далее – ПЛ) – одной из многочисленных вторичных редакций «Сказания» Саввы Есипова – сообщается, что государевы служилые люди прибыли в бывшую ханскую столицу Искер (Сибир или Кашлык), не застав в живых предводителя казаков, и Глухов с уцелевшими ратниками своего отряда и «остальцами», которые входили в число «Ермаковых товарищей» (им посчастливилось избежать голодной смерти зимой 1584 – 1585 гг., когда скончался и Болховский), по Иртышу, Оби, Соби и через Пустоозеро вернулся на Русь. В ОСЛ перечислены также атаманы Никита Пан, Яков Михайлов, Матвей Мещеряк. Из татар же в самых ранних дошедших до нас летописях, отражающих события «пошествия»

«Ермаковой дружины» в Сибирское ханство, упоминаются Кучум, его племянник Маметкул (Мамет-Кул), Карача, т. е. карачи-бек², Таузак (Таузан), Сенбахта. О некоторых из этих татар, в частности Таузаке, Сенбахте, Караче, первые тобольские и сольвычегодские летописцы, включая автора П, могли знать от ветеранов прославленной казачьей экспедиции или же йомышлы – служилых татар, входивших в состав гарнизона «стольного града» «русской» Сибири [4, с. 91; 5, с. 116, 222–223].

Уже в начале «пошествия» храброго «товарства» за «Камень», в устье Тавды, был взят в плен ханский придворный Таузак, поведавший русским «воям» «все» «о царе Кучоме» или его окружении [1, с. 51; 6, с. 16–17, 65, ср. с. 99]. ОСЛ содержит рассказ о том, что ермаковцы продемонстрировали Таузаку стрельбу из пищалей, незнакому «бусурманам», и отпустили к хану, дабы сообщить о своем появлении, очевидно, с целью запугать властителя «агарян»³. Е.А. Рябинина подобно Ю.С. Худякову нашла этот рассказ достоверным. Предпочтительнее мнение В. В. Трепавлова о том, что летописец (видный историк сослался только на РР «сложения» Есипова) прибегнул к вымыслу, да и огнестрельное оружие было известно «кучумлянам» до осени 1582 г. [2 с. 134; 3, с. 258, и др.]. Ермак «с товарищи», возможно, не отпустили Таузак к хану, а, стараясь заставить сибирского «царя» врасплох, использовали одного из его придворных в качестве проводника (вожа).

От Сенбахты⁴, явившегося в Искер – занятую казаками недавнюю столицу Кучума, Ермак узнал о месторасположении лагеря султана Маметкула, и отправленный на Вагай «большим» атаманом отряд «резвых воев» в пору внезапного ночного нападения перебил многих татар и захватил в плен лучшего ханского полководца [1, с. 58; 6, с. 27, 72]. (По словам А.Г. Нестерова, Сенбахта или Саинбахт «организовал поход казачьего отряда ... против ставки султана», который затем был «немедленно отправлен в Москву» [7, с. 208]. Точнее, этот поход ермаковцы предприняли в соответствии с решением своего «старейшины», если не круга, а Маметкул в сопровождении стрелецкого головы И.С. Киреева, служилых людей и вольных казаков выехал из Искера, как позволяет думать ПЛ, во второй половине августа – сентябре 1584 г.)

Зимой 7091 (1582/83) г., о чем рассказывает во многих летописях, созданных в Сибири и Соли Вычегодской, от голода умерли воевода князь С. Болховский и немало служилых людей, только что прибывших с Руси на помощь ермаковцам⁵, однако с наступлением весны татары и остяки стали «от ловитв своих» в изобилии привозить «на потребу» запасы продовольствия в Искер (иногда, в частности, указывается на рыбу [1, с. 60, 94, 124, 247, 309, 363]). Приведенная дата должна считаться ошибочной. Отряд князя С. Д. Болховского очутился в Искере вскоре после гибели Ермака, в конце лета или начале осени 1584 г., но большинство «присланных» служилых и даточных людей умерло «от скудости хлебные» зимой 1584/85 г., так что доставку «иноземцами» продуктов в «град», где разместился «русский полк», нужно приурочить к нескольким последующим месяцам – до исхода весны или начала лета 1585 г., когда, став «беззапасными до конца», «православные вои» оставили Искер [1, с. 133–135; 5, с. 156, 177, 181, 201, и др.]. Если следовать этой версии, получается, что татары и остяки обеспечили казаков продовольствием отнюдь не весной 1585 г. Видимо, «иноземцы» доставили съестные припасы казачьему «войску» весной 1583 г., не исключено, вскоре после пленения Маметкула (видимо, в апреле [5, с. 118]), но за два года до возвращения И. В. Глухова из Искера, что дало возможность Ермаку снарядить экспедицию в Югорскую землю. (Напомним, что в ОЕЛ, как и в С, начало «Сибирского взятия» отнесено к 7089 г. вместо 7091.) Весной – в начале лета 1584 г. Искер осаждал Карача. О пережитом «товарством» зимой 1582/83 г. голоде в летописях умалчивается, но, по словам Е.А. Рябининой, найденных в этом городе русскими осенью 1582 г. «запасов, очевидно, было

не настолько много, чтобы дать даже казачьему отряду перезимовать, не испытав голода», и уже в декабре ермаковцы оказались «вынуждены ... заниматься рыболовством» [3, с. 257].

По мнению В.В. Трепавлова (разделяющего летописную датировку), татары и остяки доставили в Искер ясак. На основании Лихачевской редакции (далее – ЛР) «Сказания» Есипова исследователь, однако, склонился к выводу, что в город, ставший казачьим лагерем, привезли запасы, дабы торговать ими [2, с. 33, примеч. 1; с. 158]. Вероятно, данное известие ЛР восходит к ОСЛ, где сказано, что с наступлением в Искере изобилия (после голодной зимы) казаки обогатились «от торгу мяхкие рухляди» [6, с. 33], т. е. благодаря обмену ее на продукты. Интересующее нас сообщение ЛР (татары и остяки «многия запасы из далних и из ближних горотков стали продовати» [1, с. 124]) кажется сомнительным. В той же редакции повести «О Сибири и о Сибирском взятии» поясняется, какие дары принесли атаманам и казакам, накануне вступившим в Искер, остяки во главе с князем (или князцом) Бояром: «соболи добрые, лисицы бурые, куницы черныя, бобры пореш[ны] черныя». В большинстве других разновидностей «истории» Есипова об этом мы не прочтем. В ПЛ в данной связи упомянуты «мяхкие рухлядь и запасы»; в трех поздних редакциях Сибирского летописного свода (далее – СЛС) говорится о том, что татары, пришедшие в Искер вслед за Бояром (Баяром), принесли Ермаку многие дары и запасы [1, с. 132, 232, 243, 308, 361]. По-видимому, книжник конца XVII в. счел, что эти татары должны были поступить так же, как остяцкий князь.

Возможно, Бояр с подвластными ему остяками прибыл в Искер, о чем говорится в 14-й главе ОЕЛ, после убийства казаков «от тотар» у Абалака, которое летописцы зачастую относили к 5 декабря 7089 (1580) г. Недаром 15-я глава, посвященная истреблению станицы ермаковцев возле Абалацкого озера и разгрому затем отряда царевича Маметкула, открывается словами «Того же лета», а оно указано в 13-й главе [1, с. 56]. Поэтому татары, может быть, начали возвращаться в Искер не вслед за «пришествием» туда Бояра, а раньше.

В ЛР есиповского «Сказания» упоминается об отъезде сеунчиков «Ермакова войска» в Москву «с ясаком и з дары». В РР вида Б и СЛС сообщается о том, что «товарыщи» «храброго смлада» атамана повезли царю Ивану меха соболей, лисиц, песцов, бобров, белок [1, с. 39, 123, 245, 308, 362]. Кроме того, согласно ЛР, во время пленения казаками Маметкула ставка Кучума располагалась на реке Наише, что близ

«града Сибири». Вероятно, данное известие ошибочно [6, с. 27; 8, с. 71; см. также: 3, с. 112; 7, с. 208], тем более что едва ли в первые месяцы 1583 г. хан рискнул бы обосноваться неподалеку от города, занятого казачьими сотнями.

В ОЕЛ читаем, что Бояр привез в Искер, которым накануне овладели ермаковцы, дары и запасы «на потребу», в ОСЛ – подарки [1, с. 56; 6, с. 26; ср. с. 72]. Эти известия следует понимать буквально [9, с. 303; см. также: 1, с. 73, 77, 78, 120, 122, 132, 133, 135, 250, 252, 311, 312, 364, 365] или усматривать в них свидетельства о доставке продуктов [3, с. 257; 4, с. 13], а не ясака, как часто предлагалось [2, с. 33, примеч. 1; с. 158; 3, с. 261; 5, с. 142, примеч. 18; 7, с. 208; 10, с. 90]. К тому же ясак обычно вносился по меньшей мере за год, а остяцкий князь с реки Демьянки, что в низовьях Иртыша, мог преподнести дары и запасы бесстрашному «товарству» «в почесть», о чем говорится в ЛР [1, с. 122], или выражая согласие на признание даннической зависимости впредь. Скорее всего, это произошло не спустя четыре дня после занятия казаками Искера, как уверяли летописцы, а позднее [8, с. 21–22], и доставленные остяками запасы позволили русским выжить в первую зиму, проведенную в бывшей ханской резиденции.

В ОЕЛ и ее десятках разновидностях говорится о том, что после беспрепятственного вступления Ермака и его соратников в «град Сибирь» (а не «приступа» к нему, как иногда утверждалось [2, с. 16, примеч. 1]) туда, в свои прежние дома, вернулись семьи татар⁶, и вместе с тем казаки, лишившиеся «начального» атамана, наряду со служилыми и даточными людьми, возглавляемыми И. В. Глуховым, оставили недавний «царя Кучюма город» пустым [1, с. 56, 64, 84, 87, 93, 96, 111, 114, 123, 125, 132 – 135, и др.; ср. с. 138, 141, 189, 368]. Историки обычно доверяли приведенным свидетельствам [2, с. 53, 68, 158, 161; 11, с. 184, 203; 12, с. 217, 265; 13, с. 116, 120], хотя они, разумеется, противоречат друг другу. Глухов, если верить сибирским летописцам, поступил так же, как Кучум, не решившийся оборонять Искер вслед за разгромом у Чувашева мыса, а затем жители этого города, «господин» которого Сейдяк был взят в плен в основанном накануне Тобольском остроге [1, с. 55, 67, 84, 89, 93, 97, 111, 122, 127, 132, 137, и др.]. Впрочем, в «истории» Есипова, многих ее вторичных редакциях и Титовском виде (далее – ТВ) часто сообщается о том, что Искер покинули казаки либо также «московский воевода» со служилыми людьми. «Слогатель» ПЛ однажды заметил: «русские люди (о которых в этой «Повести ...» говорится не раз, в том числе вслед за ОЕЛ. – Я.С.) вышли вьсе» из бывшей ханской

столицы [1, с. 40, 43, 64, 65, 87, 96, 114, 125, 131–134, 136, 138, 185, 186, 251, 311, 364, ср. с. 94]. Если доверять процитированному свидетельству, то весной – в начале лета 1585 г. в Искере еще могли оставаться татары. В таком случае султан Али (Алей) следом занял отнюдь не пустой город, как писали многие историки со времен Г. Ф. Миллера, – город, который накануне по заданию отца предположительно блокировал. Возможно, однако, что при подходе Карачи к этому городу татары были оттуда изгнаны, кроме пленного Маметкула и его слуг. Оригинальное известие АР о присутствии татар в Искере во время его осады Карачей [1, с. 95; 7, с. 886] появилось, видимо, в результате неудачной правки завершеного Есиповым в самом начале осени 1636 г. сочинения. Ведь в отличие от последнего и всех его разновидностей, кроме только что названного, да и ОСЛ, сказано не о присоединении «поганных» к другим татарам, стоявшим у «града», и вылазке казаков из кустов, а говорится об отступлении казаков в Искер и их выступлении оттуда вслед за бегством осаждающих в Саускан [1, с. 62, 87, 113, 125, 134, 185, 248–249, и др.; ср. с. 34, 40; 6, с. 35–36, ср. с. 80–81, 101–102].

Одно из указанных летописных сообщений, кстати, не позволяет считать [см.: 2, с. 158; 3, с. 257, 258, ср. с. 185, 261, и др.], будто в Искере времен Кучума проживали только хан с ближайшим окружением, придворными, гвардией и знатью, да и в ПЛ подобно ОЕЛ сказано, что атаманы и казаки, одержав победу близ «Чюваша», двинулись к ханской столице, «мняше ж себе, яко скрышась погании з бойством во граде» [1, с. 56, 132, ср. с. 33, 39, 93]. В.В. Трепавлов сослался на известие РР вида Б о множестве татар, населявших Искер, уже принадлежавший казачьему «воинству» [2, с. 158]. Но в РР, причем обоих видов, кроме того, в ЛР и ТВ вышедшей из-под пера Есипова летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тобольске граде» говорится о «великом (в СЛС «превеликом». – Я.С.) собрании» татар, а не «таковом», как в ОЕЛ, которое противостояло «дружине» Ермака в начале ее зауральского похода [1, с. 34, 40, 52, 53, 83, 121, 251, 311, 364, ср. с. 33, 38, 131, 134; 6, с. 88]⁷.

Согласно ОСЛ, покинув Кучума, его прежний визирь обосновался в «Лымской земле» [6, с. 28, ср. с. 73]. Это известие, очевидно, навело В.В. Трепавлова и Е.А. Рябинину на мысль об «отшествии» Карачи в Пельмскую землю [2, с. 26; 3, с. 262]. Но в строгановской «исторической повести», как и в ОЕЛ, сказано о том, что бывший карачи-бек разбил ставку в междуречье Оми и Тары, близ Ялымского озера

в верховьях Иртыша (о чем писал и В.В. Трепавлов), т. е. на юго-востоке Сибирского юрта [3, с. 170], а вовсе не в бассейне Тавды. К тому же Карача просил владевшего Искером Ермака защитить его от Казахской орды [1, с. 61, 71, 380, и др.], кочевавшей рядом со Средним Прииртышьем. (Есипов, который, вероятно, располагал другим списком ранней тобольской летописи, чем имевшийся у создателя ОСЛ [8, с. 62, примеч. 98], не сообщил о «Лымской земле» и упомянул, видимо, по сведениям тобольских татар, про Юлымское (Юлымское, Ялымское) озеро, иногда, впрочем, называвшееся переписчиками ОЕЛ Лымским (Улымским, Улимским) [1, с. 33, 39, 60, 86, 94, 112, 246, примеч. 18, и др.; ср. с. 184, 309].)

В.В. Трепавлов обратил внимание на известие Забелинской редакции «тетрадей» софийского дьяка о том, что, осадив Искер, Карача приказал взимать с живших поблизости татар «дани великие и оброки», т. е. регулярные подати [2, с. 25–26]⁸. Тогда же, оказывается, бывший ханский визирь запретил татарам подчиняться Ермаку, а непокоряющихся распорядился казнить [1, с. 113]. Эти оригинальные сведения представляются достоверными, хотя вряд ли восходят к каким-то источникам, которыми не располагало большинство сибирских летописцев. Зато лишенное даже приблизительного хронологического определения известие вторичной (Распространенной) редакции Строгановской летописи о нападении Карачи с отрядом татар, остяков и вогулов на «становища» Кучума [6, с. 80] нам в отличие от ряда исследователей [2, с. 56; 14, с. 67] кажется маловероятным, поскольку в остальных нарративных сочинениях, а также документах, на это нет даже косвенных указаний⁹, а почему жившие вдали от мест кочевания беглого «царя» остяки вогулы приняли сторону бывшего карачи-бека, можно только гадать. (Опрометчиво, думается, подобно Е.А. Рябининой [см.: 3, с. 262] доверять сообщению РЛ, будто Карача вместе с Кучумом «выманил» Ермака из Искера «в засаду».)

Многочисленные источники опровергают утверждения, что «буквально с первых месяцев похода Ермака ... часть татар примкнула к его отряду», а вскоре приняла российское подданство, большинство населения Сибирского ханства поддержало «наставника» казаков, а татары стали служить ему сразу после занятия «дружиной» Искера в конце октября 1582 г. [7, с. 215, 217; 15, с. 87]. Известно, что видный татарин Маитмас Ачекматов (Азехматов) перешел на русскую службу при воеводе В.Б. Сукине – одном из основателей Тюменского острога, т. е. в течение 1586 – 1588 гг., когда и

участвовал в боях с «кучумлянами» [5, с. 135, 178, 193; 16, с. 164; 17, с. 283, 706; см. также: 3, с. 262; 5, с. 138; 7, с. 148, 220, 774]. Более ранние факты такого рода пока неизвестны. Е.А. Рябинина вслед за Ю.С. Худяковым утверждает, что, согласно летописям (точнее, позднему Кунгурскому летописцу, уцелевшему в составе РЛ), представители кондинских татар перешли на службу к ермаковцам. Этих татар – Ишбердея либо Иш Берди и Суклема – А.Г. Нестеров считал мирзами с Тавды [3, с. 261; 7, с. 208]. Но названные князцы являлись владельцами вогулов [16, с. 88; 18, с. 303].

Возможно, в ходе экспедиции Ермака и сразу после прибытия в Сибирь служилых людей (чтобы помочь казакам) татар приводили к шерти [9, с. 173; 19, с. 44], но на верность не московскому государю, а «товарству», круг которого поддержал предложение Строгановых о «хождении» за «Камень»¹⁰. В силу этого для присяги и не требовались, как впоследствии, шертовальные записи. Так, в Искере шерть «по своей вере» (что считалось обязательным [3, с. 128; 9, с. 168, 184, 185, 190, 194–197, 201, 203–205, 211, и др.]) атаманам и казакам принесли посланцы Карачи, просившие защитить его улус от Казахской Орды [1, с. 61, 71, 380].

Если ранее многие татары, возвратившиеся в занятый русским «воинством» Искер, несли службу хану, то отныне они должны были выполнять разнообразные обязанности в пользу оказавшейся там «дружины», хотя не включались в ее ряды. Татар, видимо, использовали тогда «в качестве проводников и переводчиков» [7, с. 727], ясатчиков, разведчиков, охотников, рыбаков, для приобретения оружия, военного снаряжения, продовольствия, лошадей, фуража; прежним подданным Кучума давали, вероятно, и дипломатические поручения.

Итак, летописи, возникшие или редактировавшиеся в Тобольске, Томске, Соли Вычегодской, сохранили сведения о различных аспектах взаимоотношений «ермаковых казаков» и сибирских татар, преимущественно за первые недели пребывания «христианских воев» в Искере и время его осады бывшим карачи-беком Кучума. Часть этих сведений вполне достоверна, но немало летописных известий – и 1630-х гг., и более поздних – внушает сомнения в том, что отражает действительные события. Сибирские татары, даже если они шертовали «Ермакову войску», не входили в его состав (такая практика сложилась в пору основания Тюмени, Тобольска и других «государевых» крепостей), хотя могли выполнять многообразные задания «велеумного» атамана и его «товарищей».

Примечания

1. Этим протографом может считаться ранняя тобольская летопись, которую владычный дьяк Савва Есипов назвал «писанием» (далее – П) [1, с. 72].

2. Последнего летописца, да и составители синодика «ермаковым казакам» (далее – С) [1, с. 71, 380, ср. с. 78], именовали Карачей. Сравнительно недавно выяснилось, что его звали Маметом, т. е. Мухаммадом [2, с. 348 – 349, 368; 3, с. 43, 87, 410, 411, и др.].

3. Об этом сказано и в зависимых от ОСЛ Румянцевской и Абрамовской редакциях (далее – РР и АР соответственно) «истории» Есипова [1, с. 32, 38, 92, ср. с. 120].

4. В Ремезовской летописи (далее – РЛ) рубежа XVII – XVIII вв. Сенбахта представлен «ближним яшашным мурзой» и указана его фамилия – Тагин [6, с. 338, 429, 543]. Ю.С. Худяков, который писал о Сенбахте-тагине, обвинял его подобно некоторым другим историкам в предательстве [3, с. 222, 260; 7, с. 217, 727].

А.Г. Нестеров заключил (очевидно, следуя РЛ), что мирза Саинбахт состоял в родстве с беками из династии Тайбугидов [7, с. 208, ср. с. 213].

5. В АР сообщается, что голод явился тогда причиной смерти и многих «иноземцев» [1, с. 94].

6. Не исключено, что при этом у татар, которых был, видимо, не один десяток [8, с. 47, примеч. 63], отобрали оружие, как в 1587 г. у свиты Сейдяка в Тобольском остроге [1, с. 66 – 67, и др.].

7. Про «велие собрание» и «собрание велие», заметим, идет речь в Летописной книге о Смутном времени (Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 402, 416. Ср.: С. 394, 410), известной автору П. Это выражение, которое встречается, в частности, и во многих документах конца XVI – начала XVII вв., в Соловецком (одной из ранних редакций) и Бельском летописцах, компилятивном летописце, сложившемся в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре в 1729–1730 гг. (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. II. С. 7, 9, 10, 185, 263, 264, 269, 349, 350. Ср.: С. 251, 305, 364, 372; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 142, 253, 260, 262 – 266; Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 238. Ср.: С. 245, 253; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 237, 239; Богданов А.П. Краткие летописцы XVII века в Спасо-Прилуцкой исторической компиляции // Novogardia. 2021. № 3 (11). С. 200 – 202. Ср.: Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571 – 1634. С. 87; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113 – 7121 гг.). М., 1907. С. 63; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 57, 133, 134, 161, 162; Разрядная книга 1475 – 1605. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 79; Там же. М., 1987. Т. III. Ч. II. С. 203, 215), представляет собой литературный штамп.

8. Утверждение Д.Н. Маслюженко и З.А. Тычинских, будто Карача «дважды пытался отбить Искер у

казаков» [3, с. 87], противоречит летописным источникам. Вопреки мнению А.С. Зуева и Е.А. Рябининой [1, с.3, с. 262; Зуев А.С. Ермак // В кн.: Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. А – И. С. 536], в пору блокады этого города, т. е. весной – в начале лета 1584 г., Карача уже не являлся визирем («думчим», «первым советником») Кучума.

9. Карача покинул Кучума не после осады Искера [7, с. 219], а, судя по всем дошедшим до нас летописям, накануне.

10. Не приходится утверждать, как поступили Д.М. Исхаков и З.А. Тычинских, что «силой и дипломатией казаки обязали платить дань Москве татарские улусы, остяцкие и вогульские волости» (История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань, 2014. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). С. 129).

Список литературы

1. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. Ч. 1. 382 с.
2. Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.
3. Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. федерального ун-та, 2018. 560 с.
4. Солодкин Я.Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2009. 177 с.
5. Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. 234 с.
6. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 10+1+XXXI+1+645 с.
7. История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. 1080 с., ил.
8. Солодкин Я.Г. «Беседуя к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. 330 с.
9. Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 442 с.
10. Очерки истории Коды. Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. 189 с.
11. Дмитриев А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Пермь: Типография Н[аследни]ков П.Ф. Каменского, 1894. Вып. V. XII+220+IV с.
12. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. 318 с.
13. Очерки истории Югры. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2000. 407 с.

14. Курнос В.В. К вопросу военного сотрудничества обских угров и сибирских татар в период позднего средневековья // В сб.: История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы IV Всерос. (национальной) науч. конф. Курган, 30–31 октября 2020 года. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. С. 65–68.

15. Томилов Н. Сибирские татары // В сб.: Прииртышье мое. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1990. Ч. II. С. 87–88.

16. Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. 299 с.

17. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.

18. Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ Новосиб. гос. ун-та, 2017. 442 с.

19. Зуев А., Слугина В. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. № 3. С. 30–44.

ERMAK «DRUZHINA» AND THE TATAR POPULATION OF SIBERIA (TO THE INTERPRETATION OF CHRONICLE REPORTS)

Ya.G. Solodkin

The purpose of the paper is to determine the degree of reliability of the chronicle reports about the relationship between the Cossack «army» and the Siberian Tatars at the time of «Ermak's seizure» of the «Kuchum kingdom». The author compares the considered chronicle reports of the 17th – first half of the 18th centuries with each other, taking into account the origin of these literary sources, which then developed in the east of Russia. An analysis of these reports allows us to believe that during the years of Ermak's expedition, Siberian Tatars could be brought to shert, but not to Moscow sovereigns, but to the Cossack «team», and were involved in the execution of various assignments without being enrolled in the ranks of the Cossack settlements. It appears that most of the relevant chronicle reports are trustworthy, but separate testimony of the two editions of the «historical story», which came out of the Stroganovs' circle, and the Likhachev chronicle are doubtful.

Keywords: Ermak's Trans-Ural epic, Cossack «team», its relationship with the Siberian Tatars, chronicle reports dedicated to the «seizure» of Siberia, sources of information in these reports about the fate of the local Tatars during Ermak's campaign, the degree of reliability of this information, yasak, shert, Isker, the transition of the «Kuchumlyans» to the Russian service.

References

1. The complete collection of Russian chronicles. M.: Science, 1987. Vol. 36. Part 1. 382 p.

2. Trepavlov V.V., Belyakov A.V. Siberian princes in the history of Russia. St. Petersburg: Publishing house of Oleg Abyshko, 2018. 496 p.

3. Tyumen and Siberian khanates. Kazan: Kazan Federal University Publishing House, 2018. 560 p.

4. Solodkin Ya.G. The formation of the Siberian chronicle tradition (controversial problems of source studies). Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State University for the Humanities, 2009. 177 p.

5. Solodkin Ya.G. «Ermakovo capture» of Siberia. Debatable problems of history and source studies. Nizhnevartovsk: Publishing house of Nizhnevartovsk State University, 2015. 234 p.

6. Siberian chronicles. Brief Siberian chronicle (Kungurskaya). Ryazan: Alexandria, 2008. 10+1+XXXI+1+645 p.

7. The history of the Tatars since ancient times: in seven volumes. Kazan: Publishing House of the Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014. Vol. IV. The Tatar states of the XV–XVIII centuries. 1080 p., ill.

8. Solodkin Ya.G. «Talking to your love ...». Controversial problems of the history of the Siberian chronicle of the XVII century. Nizhnevartovsk: Publishing house of Nizhnevartovsk State University, 2017. 330 p.

9. Zuev A.S., Ignatkin P.S., Slugina V.A. Under the canopy of the double-headed eagle: incorporation of the peoples of Siberia into the Russian state in the late XVI – early XVIII centuries. Novosibirsk: CPI NSU, 2017. 442 p.

10. Essays on the history of the Code. Yekaterinburg: NPMP «Volot», 1995. 189 p.

11. Dmitriev A. Permian antiquity. A collection of historical articles and materials mainly about the Perm Region. Perm: Printing house of heirs P.F. Kamensky, 1894. Issue V. XII+220+IV p.

12. Skrynnikov R.G. Siberian expedition of Ermak. 2nd ed., corrected and add. Novosibirsk: Science, Siberian Branch, 1986. 318 p.

13. Essays on the history of Ugra. Yekaterinburg: NPMP «Volot», 2000. 407 p.

14. Kurnosov V.V. On the issue of military cooperation between the Ob Ugrians and the Siberian Tatars in the late Middle Ages // In the collection: History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Content IV All-Russian (national) scientific conference. Kurgan, October 30–31, 2020. Kurgan: Kurgan State University Publishing House, 2020. P. 65–68.

15. Tomilov N. Siberian Tatars // In the collection: The Irtysh region is mine. Омск: Publishing House of Омск State University, 1990. Part II. P. 87–88.

16. Bakhrushin S.V. Scientific works. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. Vol. III. Part 2. 299 p.

17. Miller G.F. The History of Siberia. 2nd ed., additional. M.: Publishing house of the firm «Oriental Litera-

ture» of the Russian Academy of Sciences, 2000. Vol. II. 796 p.

18. Zuev A.S., Ignatkin P.S., Slugina V.A. Under the canopy of the double-headed eagle: incorporation of the peoples of Siberia into the Russian state in the late XVI –

early XVIII centuries. Novosibirsk: CPI Novosibirsk State University, 2017. 442 p.

19. Zuev A., Slugina V. Chronicle news about the recruitment of Siberian peoples during Ermak's campaign and historical realities // Russian history. 2015. № 3. P. 30–44.